

© 2005 г. Ю. Д. АПРЕСЯН

О МОСКОВСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ*

В статье рассматриваются основные теоретические принципы и понятия, характеризующие лингвистические исследования Московской школы интегрального описания языка и системной лексикографии. К ним относятся сам принцип интегральности лингвистических описаний, определение лексики как хорошо организованной таксономической и операционной системы, представление о семантическом метаязыке как упрощенном и стандартизованном подъязыке описываемого естественного языка и тезис об аналитических толкованиях лексем и правилах взаимодействия значений языковых единиц в текстах как основных инструментах системной лексикографии. На материалах из “Нового объяснительного словаря синонимов русского языка” демонстрируются обратные связи между теорией семантики и практической лексикографией.

В последние годы в работах разных авторов все чаще появляется и все больше терминологизуется словосочетание “Московская семантическая школа” (в дальнейшем – МСШ). Кажется, пришло время уяснить, какая совокупность идей, принципов и методов исследования отличает МСШ от других направлений современной лингвистики. Именно такая попытка предпринимается в этой статье.

МСШ ведет свою родословную от пионерских работ по семантике, выполненных в начале 60-х годов в Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза (см. [Жолковский и др. 1961; МППЛ 1964]) и, в особенности, от модели «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука; см. [Мельчук 1974; 1995; Мельчук, Жолковский 1984; Mel'čuk 1997; 2004; Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992; 1999; Iordanskaja, Rapetto 1996] и другие работы И.А. Мельчука и его ближайших соавторов. С 1977 года, после вынужденной эмиграции И.А. Мельчука в Канаду, началось не слишком существенное, но тем не менее заметное “диалектное” дробление МСШ. В частности, российская ветвь МСШ в своем нынешнем виде сформировалась под влиянием еще двух факторов – компьютерной реализации модели «Смысл ↔ Текст» в виде полифункционального лингвистического процессора ЭТАП (см., например [Апресян и др. 1989; 1992; Иомдин 1990]), откуда пришла идея интегрального описания языка [Апресян 1995а], и исследований в области теоретической семантики, языковой картины мира и системной лексикографии (см., например [Апресян 1974; 1995а; 1995б; Apresan 2000; Богуславский 1985; 1996; Гловинская 1982; 1993; 2001; Санников 1989; Урысон 2003; Апресян и др. 2004], публикации Л.Л. Иомдина по семантике и ряд других)¹.

* Данная работа была поддержана грантом Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6, Программой фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (раздел 4.15), грантами РГНФ №№ 02-04-00306а и 03-04-00046а и грантом РФФИ № 02-06-80106.

¹ К ним в некоторых отношениях близки исследования [Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 1996; 2004; Зализняк 1992; Кустова 1999; Рахилина 2000; Розина 2004] и другие работы этого круга.

В результате сложился вариант МСШ, который справедливо было бы назвать Московской семантической школой интегрального описания языка и системной лексикографии. Только о нем и пойдет речь в дальнейшем и только в этом смысле следует понимать аббревиатуру МСШ в контексте данной статьи.

Все исследования МСШ имеют двоякую цель: а) построить общую теорию семантики, в основе которой лежат не репрезентативные примеры, а массовый материал естественного языка, в нашем случае – русского; б) реализовать эту теорию в виде практически полезных, т.е. обращенных к широкому читателю лексикографических продуктов. Эти две цели и два направления работ взаимосвязаны: лексикографическая практика дает материал для теории, а теория позволяет строить лексикографическую практику на системных основаниях.

Задача статьи – представить в конспективной форме основные идеи, принципы и результаты МСШ. Поэтому для демонстрации предлагаемых в ней тезисов будут использоваться не только новые, но и уже введенные в оборот материалы – с уточнениями и дополнениями, отражающими современное знание фактов, и с той степенью подробности, которая дает о них реальное, а не схематичное представление.

Изложение строится по следующему плану: 1) общелингвистические принципы МСШ; 2) принципы теоретической семантики; 3) принципы системной лексикографии; 4) практическое воплощение теоретических принципов.

1. ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МСШ

В основе всех теоретических и лексикографических работ МСШ лежат два главных принципа: принцип интегральности лингвистических описаний и установка на реконструкцию языковой картины мира. Первый из них отражает представление о том, как должно быть устроено лингвистическое описание, а второй – представление о том, как устроен сам язык.

1.1. Принцип интегральности

Этот принцип требует согласованного описания грамматики и словаря каждого языка (грамматика в данном контексте понимается расширительно – как свод всех правил языка, включая и его семантические правила). В более развернутом виде принцип интегральности может быть представлен следующими двумя требованиями: а) описывая очередную лексему², лексикограф должен работать на всем пространстве правил языка и приписать этой лексеме все свойства, которые упоминаются в правилах; в ряде случаев это требует включения информации о правилах непосредственно в словарные статьи; б) в свою очередь грамматист, формулируя определенное правило языка, должен работать на всем пространстве лексем и учесть все лексемы, которые ему подчиняются, если соответствующая форма их поведения не зафиксирована непосредственно в их словарной статье; в очень многих случаях это требует включения информации о конкретных лексемах непосредственно в грамматические правила.

При всей естественности принципа интегральности его необходимость впервые была осознана только в МСШ, причем его практическая реализация оказалась зада-

² Напомним, что лексемой в МСШ называется слово, взятое в одном из имеющихся у него значений. Лексема, таким образом, является многосторонней единицей языка, у которого есть свое означающее, означаемое (лексическое значение), синтактика и прагматика. В МСШ именно лексема, а не слово, считается основной единицей словаря языка. Мы говорим лексемами, а не словами; слова суть лексикографические конструкты, формируемые из лексем с совпадающими или очень похожими означающими и означаемыми, в которых обнаруживаются нетривиальные общие смысловые компоненты.

чей исключительной сложности. Чересчур велик объем следствий, которые из него вытекают. Ниже мы проиллюстрируем только первое из названных требований как более важное в контексте нашей темы.

Известно, что в отрицательных предложениях многие непреходные глаголы русского языка, некоторые переходные глаголы в пассивной конструкции и некоторые краткие прилагательные могут иметь подлежащее либо в форме именительного (ИМ), либо в форме родительного (РОД) падежа: *Мороз не чувствовался* и *Мороза не чувствовалось*, *Подкрепления не посылались* и *Подкреплений не посылалось*, *Звуки не слышны* и *Звуков не слышно*. При этом выбор формы ИМ или РОД семантически мотивирован: при прочих равных условиях ИМ предполагает, что явление, о котором идет речь, существует (*Звуки не слышны* – они есть, но по какой-то причине не могут быть восприняты), а РОД допускает, что их вообще нет (ср. *Звуков не слышно*). С другой стороны, ИМ чаще вводит определенный объект (ср. *Звук дождя в вагоне не слышен*), а РОД – чаще неопределенный (ср. *Не слышно ни звука*)³.

Относительно этого грамматического правила все глагольные лексемы разбиваются на три класса: а) лексемы, которые допускают мену падежа подлежащего с ИМ на РОД в контексте отрицания (см. выше); б) лексемы, которые ее требуют (ср. *У нас не имеется сведений на этот счет*, при невозможности **У нас не имеются сведения на этот счет*, *Не остается сомнений*, при невозможности **Не остаются сомнения*; см., однако, ниже); в) лексемы, которые ее не допускают ни при каких обстоятельствах (ср. *Весна все никак не начиналась* при невозможности **Весны все никак не начиналось*, *Бой не продолжался* при невозможности **Боя не продолжалось*).

Образцовые носители русского языка интуитивно владеют этой информацией – она составляет часть их языковой компетенции. Значит, и лингвистическое описание русского языка, которое ее моделирует, должно содержать нужные сведения на этот счет. Однако даже академические словари и грамматики не сообщают информации, достаточной для того, чтобы строить правильные синтаксические конструкции с нужным значением для произвольного глагола. Объясняется это двумя причинами: во-первых, сложностью распределения глаголов относительно данного синтаксического правила; во-вторых, отсутствием традиций согласования грамматической и лексикографической информации в научном описании языков.

Распределение всей глагольной лексики русского языка по трем названным классам отчасти семантически мотивировано. Было, например, давно замечено, что способностью менять ИМ на РОД в контексте отрицания обладают экзистенциальные глаголы в широком смысле, т.е. глаголы со значением существования, начала существования, продолжения существования и потребности (≈ ‘надо, чтобы существовало’), а также краткие прилагательные и переходные глаголы в форме СТРАД, имплицитные существование или появление объекта: *бывать*, *быть*, *вести* (*В последние годы наблюдений за вулканом не велось*), *виден*, *возникать*, *найтись*, *наступать*, *оставаться*, *ощущать* (*Недостатка в научной литературе не ощущалось*), *полагаться* (*Ребенку отдельного места не полагается*), *посылать* (*Никаких телеграмм не посылалось*), *появляться*, *происходить*, *проходить*, *случаться*, *слышен*, *сохраняться*, *строить* (*Новых субмарин не строилось*), *существовать*, *требоваться*, *чувствовать* (*Мороза не чувствовалось*) и т. п.

В последнее время был предложен еще один смысл, благоприятствующий мене ИМ ⇒ РОД под отрицанием. По мнению Е.В. Падучевой (см. [Падучева 1997: 104; 2004: 444]), такой способностью, помимо экзистенциальных, обладают глаголы, толкование которых “включает... перцептивный компонент”, т.е. указание на то,

³ Этой конструкции посвящена обширная литература; упомяну лишь классические работы [Карцевский 1928; Jakobson 1971 (первое издание 1936 г.); Ицкович 1974], а из современных работ – [Babby 1978; 1980; Апресян 1985; Падучева 1997; 2004: 440-472] и обзор [Богуславский 1982].

что объект, о котором идет речь, воспринимается кем-то (не обязательно визуально); ср. *Коли дома не оказалось, Деревни на берегу не видно, Хозяйина в доме не чувствуется*. При этом в отрицательном предложении именно перцептивный компонент должен подвергаться отрицанию. Уточненное таким образом условие она считает достаточным для однозначного предсказания синтаксического поведения глагола.

Ниже я попытаюсь показать, что ни тот, ни другой смысл не дает стопроцентно мотивированного правила употребления глагола с подлежащим в форме РОД в отрицательном предложении. Основные контрпримеры собраны в три группы, упорядоченные по нарастанию их доказательной силы: сначала рассматриваются непоследовательности в синтаксическом поведении лексем одного семантического класса, затем – синонимического ряда и, наконец, непоследовательности в поведении одной и той же лексемы в разных условиях ее употребления.

а. Лексемы, являющиеся элементами одного и того же семантического класса, могут попадать в разные синтаксические классы относительно способности менять ИМ на РОД в контексте отрицания. Таковы, например, лексемы со значением проявления свойства или процесса, выделенные в [Апресян 2003: 10]. Они идеально отвечают критерию “перцептивности”: в их значение входит указание на то, что данное свойство или процесс актуально воспринимается каким-то наблюдателем, причем именно это указание попадает в сферу действия отрицания в отрицательном предложении. Ср. глаголы *белеть, краснеть, чернеть; блистать, мелькать, мерцать, сверкать, светиться* (зрительные проявления); *греть, доноситься, лязгать, скрежетать* (звуковые проявления); *горчить* (вкусовое проявление); *благоухать, вонять, пахнуть, смердеть* (обонятельные проявления); *греть, жечься, колоться* (тактильные проявления). Е.В. Падучева считает вполне правильными фразы типа *Не белеет ли парусов на горизонте, Не блистает теперь бриллиантов в ее прическе, Не светится больше надежды в ее глазах, Не гремело победных маршей*. Не оспаривая эти оценки, обращаю внимание на то, что по крайней мере сомнительны фразы *Не краснеет ли маков в поле, Не лязгало буферов, Не скрежетало якорных цепей* и абсолютно невозможны фразы с глаголами “вкусовых”, “обонятельных” и “тактильных” проявлений: **Творога не горчит, *Рыбы не пахнет <не воняет>* (ср. правильность *Рыбой не пахнет*), **Шубы не греет, *Крапивы не жжется <не колется>*⁴.

б. Более того, даже близкие синонимы могут принадлежать к разным классам. Так, глагол *наступить* допускает мену ИМ ⇒ РОД в контексте отрицания, а его синоним *наставать* – нет; ср. *Затишье <молчание> (так и) не наступило и Затишья <молчания> (так и) не наступило*, но только *Затишье <молчание> (так и) не настало*, при невозможности **Затишья <молчания> (так и) не настало*⁵. Глагол со-

⁴ У меня был случай обсудить эти примеры с Е.В. Падучевой, которая высказала мысль, что *пахнуть, горчить, колоться* и т.п. не образуют “генитивной конструкции” потому, что обозначают “воздействия”. Мне этот аргумент не кажется убедительным. Дело в том, что восприятия устроены в определенном смысле асимметрично. Только в случае зрительных восприятий (*видеть, замечать* и т.п.) человек или другое живое существо не подвергается воздействию воспринимаемого объекта. Что касается слуховых, обонятельных, вкусовых и тактильных восприятий, то во всех этих случаях какой-то объект воздействует на соответствующую перцептивную систему человека. В частности, если победные марши из примера Е.В. Падучевой *гремят*, то их звуки воздействуют на барабанные перепонки слушателя. Это же не мешает глаголу *греться* быть “генитивным”.

⁵ Может возникнуть сомнение по поводу правильности сочетаний типа *Настало затишье <молчание>*. В текстах такие примеры есть; ср. *Настало некоторое затишье перед утром в бессонной Жизни гостиницы* (В. Набоков. Лолита); *Полное молчание настало в колоннаде* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Само наше наблюдение тоже подтверждается примерами из текстов. Ср. *Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Утешения не наступало* (Вик. Ерофеев. Скулы, нос и овраг). Для *наставать* в том же корпусе не было найдено ни одного подобного примера.

храняться допускает такую мену, а его синоним *оставаться* в большинстве употреблений требует ее; ср. *Другие улики не сохранились* и *Других улик не сохранилось*, но только *Других улик не осталось*, при невозможности **Другие улики не остались*.

в. Наконец, одна и та же глагольная лексема в разных условиях употребления (в разных контекстуальных условиях, в разных формах и значениях времени и вида, в сочетании с разными числовыми формами существительных) может вести себя по-разному. Ср. *Не светило ни одного телеэкрана*, [?]*Не светило витрин магазинов*, ^{??}*Глаз в темноте не светило*; *Никакие улики не остаются* (их уничтожат), *Никаких улик не остается*, *Никаких улик не осталось*, **Никакие улики не остаются*; *Не гремело победных маршей*, [?]*Не гремело музыки*, **Не гремит поездов по рельсам*; *Утешения не наступало*, *Мира в душе все никак не наступало*, ^{??}*Весны все никак не наступало*, **Марта еще не наступило* (ср. *Март еще не наступил, зачем ты меня торопишь?*).

Из общих соображений тоже следует, что рассчитывать на стопроцентно мотивированное семантическое правило в данном случае было бы нереалистично: русский язык чересчур лексикализован для этого.

Положение осложняется тем, что некоторые глаголы в конструкциях с ИМ и РОД под отрицанием приобретают неожиданные семантические ограничения. Например, лексема *быть* 2.1 = 'находиться' при подлежащем в форме РОД сочетается только с актуально-длительным значением НЕСОВ, ср. *Отца не было на море* (в момент наблюдения)⁶. Та же лексема при подлежащем в форме ИМ сочетается только с многократным результативным значением НЕСОВ. Например, фраза *Отец не был на море* может значить только то, что он никогда в жизни не бывал на море. Кроме того, в последнем случае может меняться и статус локативного дополнения, в нашем случае – существительного *море*: если в первом примере (*Отца не было на море*) речь идет о каком-то конкретном море, то во втором – обо всем классе морей.

Любопытно, что та же лексема в утвердительных предложениях свободно употребляется в обоих названных выше видо-временных значениях НЕСОВ.

Очевидно, что в самом грамматическом правиле мены падежа подлежащего в контексте отрицания нельзя указать с достаточной полнотой ни глаголы, которые ему подчиняются, ни контекстуальные условия, которые усиливают или ослабляют эту способность, ни семантические модификации, которые при этом могут происходить. Единственное место, где эту информацию можно представить с относительной полнотой, – словарь. Однако ни один толковый словарь русского языка такой информации не содержит и, следовательно, в этом пункте принципу интегральности лингвистического описания не удовлетворяет.

Из сказанного с неизбежностью следует, что принцип интегральности превращает лексикографическое описание каждой лексемы в самостоятельную научную задачу. Чтобы понять истинный масштаб трудностей такого описания, надо учесть, что в работах МСШ делается попытка реализовать принцип интегральности в объеме всего словаря, и не для одного признака, как в рассмотренном выше примере, а для всех, которые могут оказаться релевантными для правил.

1.2. Установка на реконструкцию языковой картины мира

Идея языковой (другое название – “наивной”) картины мира в том виде, как она развивается в МСШ с конца 60-х годов (см., например [Апресян 1969: 53 и сл.; 1974: 56 и сл.]), может быть представлена следующими основными тезисами:

а. Материалом для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка – лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просо-

⁶ Эту лексему не следует путать с *быть* 2.2 = 'приходить, приезжать и т.п.', как во фразах *Врач будет завтра* или *Этим летом я уже был на море* в двунаправленном значении.

дии, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и т. п. Этим подход МСШ отличается от установок тех близких к ней направлений, для которых главным предметом исследования являются так называемые культурные концепты (о последних см., например [Арутюнова 1988; 1998] и многие работы по “логическому анализу языка” как он понимается Н.Д. Арутюновой).

б. Картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира; ср. наивную физику пространства и времени (Ю.Д. Апресян), наивные представления о причинно-следственных отношениях (О.Ю. Богуславская и И.Б. Левонтина), наивную анатомию (Е.В. Урысон) и т. п.

в. Языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, т.е. отражает особый способ мирозидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Реально “особый способ мирозидения” проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими⁷. Часто язык заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания.

Из-за недостатка места мы обсудим более подробно только последний тезис.

Об этноспецифичности картины мира в языке L относительно какого-то другого языка или языков обычно говорят в двух случаях: а) когда в L есть языковые единицы с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно (этноспецифичность в сильном смысле); б) когда какое-то значение, в принципе выразимое и в других языках, имеет в L некий особый статус (этноспецифичность в слабом смысле). Рассмотрим по примеру на каждый из этих случаев.

1.2.1. Уникальное значение: конструкция “Мне (хорошо) работается”

В большой совокупности фактов русского языка (слове *авось*, многих типах безличных и инфинитивно-модальных конструкций и некоторых просодиях) можно обнаружить два семантических лейтмотива, типичных для русского языка: представление о неподконтрольности ситуации говорящему или иному деятелю и представление о неопределенности той силы, которая, по мнению говорящего, является причиной наблюдаемого положения вещей. Примером могут служить “мучительные вопросы” типа *Где его теперь искать?, И кто туда поедет?, Зачем ему это нужно?, Куда податься?*, производимые с главным фразовым ударением на вопросительном слове и подъемом тона в остальной части предложения. Их значение может быть истолковано (на примере первой фразы) приблизительно следующим образом: ‘Говорящий не знает, где его искать; он испытывает неприятное чувство, потому что ему очень важно знать, где его искать; говорящий допускает, что существует некто, кто это знает, и к этому неопределенному субъекту как бы обращает свой вопрос’⁸.

Похожие лейтмотивы обнаруживаются и в значении синтаксической конструкции типа *Мне сегодня работается <не работается, с трудом поется, легко пишется>*. Как известно, она формируется глаголами НЕСОВ на *-ся*, производными от нетранзитивных глаголов или абсолютивных употреблений транзитивных глаголов, обычно в сочетании с дательным падежом экспериенса-агенса.

⁷ Определенная идея имеет тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками. В этом отношении семантические лейтмотивы не отличаются от системообразующих смыслов; см. ниже.

⁸ В 1991 г., когда я в течение семестра работал на кафедре славистики UCLA, я провел опрос большой группы информантов с целью выяснить, есть ли в английском языке какой-нибудь естественный аналог “мучительного вопроса”. Результат был отрицательным.

Эта конструкция многократно описывалась в классической и современной литературе; см., например [Пешковский 2001: 346; Карцевский 2004: 152⁹; Шахматов 1941: 94; Виноградов 1947: 468; Янко-Триницкая 1962: 212–225; Guiraud-Weber 1984: 193 и сл.; Вежибцак 1996: 67–68; Апресян 2003: 21] и др. Наиболее полно она охарактеризована в недавней работе [Булыгина, Шмелев 1997: 106–107], где перечислены следующие ее свойства: (а) она имеет значение “внутренней предрасположенности к действию”, “успешности совершения действия” и отличается от соответствующих конструкций с невозвратными глаголами тем, что описывает полуконтролируемую, “демиактивную” ситуацию; (б) субъектом состояния обычно является человек; другие живые существа, а тем более неодушевленные предметы в этой роли допустимы лишь в случае персонификации; (в) при глаголе невозможны целевые обстоятельства; (г) продуктивность конструкции ограничена, хотя неясно, как.

Эту характеристику следует дополнить несколькими существенными деталями.

Во-первых, свойство несочетаемости с целевыми обстоятельствами на самом деле носит гораздо более общий характер. Поскольку безличные глаголы на *-ся* обозначают состояние, а не действие, они неохотно сочетаются не только с обстоятельствами цели, но и с любыми другими обстоятельствами, типичными для действий, такими, как *быстро, напряженно, сосредоточенно, энергично* и т. п.

Во-вторых, можно достаточно определенно указать факторы, ограничивающие продуктивность конструкции. Идеальным материалом для нее являются основы глаголов со значением занятий (*Мне сегодня отлично работается <поется, пишется>*), процессов (*Мне здесь хорошо <легко> дышится <спится>*) и деятельностей (*Как вам путешествуется <воюется>?*). Использование основ других типов, в том числе основ со значением действий, создает отчетливое ощущение нестандартности; ср. ^{??}*Ему хорошо думалось о предстоящей работе (думать – действие) VS Ему хорошо думалось на даче (думать – занятие), *Ему хорошо бегалось за хлебом (бегать – действие) VS Ему в это утро хорошо бегалось (бегать – занятие).*

В примерах типа *Мне думается, что это ненадолго, Ей хотелось пить, Ему слышались какие-то звуки*, с глаголами, обозначающими ментальные, волевые или физические состояния, а также в примерах с глаголами в форме СОВ типа *Мне взгрустнулось*, представлены другие типы производных глаголов и, соответственно, другие синтаксические конструкции.

В примерах типа *И чего тебе не сидится?, Ему не стоялось на месте*, с глаголами положения в пространстве, эти глаголы сливаются с отрицанием в единое целое и образуют фразу. Свидетельством фраземности *не сидится, не стоит* является невозможность замены отрицания оценочными атрибутами типа *хорошо, плохо, отлично* и т. п.; ср. **И чего тебе плохо сидится на этом стуле?, *Ему хорошо стоялось на месте.*

В-третьих, глагол, являющийся синтаксической вершиной конструкции, имеет сложную семантическую структуру, с разделением на пресуппозицию и ассерцию. Пресуппозицию образует указание на действие или попытку его совершить, а ассерцию – указание на состояние субъекта, т. е. его особую предрасположенность к действию. В подтверждение этого можно привести два аргумента: а) тот факт, что в отрицательных предложениях типа *Х-у не работалось* не отрицается, что Х работал или по крайней мере пытался работать; б) тот факт, что в предложениях типа *Х-у хорошо <плохо> работалось* оценочные наречия характеризуют не работу Х-а, а его внутреннее состояние. Ср., в отличие от этого, *Х хорошо <плохо> работал*, где оценивается именно работа Х-а.

В-четвертых, указание на особую предрасположенность к действию образует в значении этой конструкции так называемый слабый смысл, который элиминируется

⁹ С. Карцевскому принадлежит следующая замечательная формулировка: “Эти обороты чаще всего отрицательные, что особенно подчеркивает волевое бессилие субъекта” [Там же].

отрицанием или наречием со значением ‘плохо’: *X-у сегодня не работается <плохо работается>* ≈ ‘Сегодня X находится в таком состоянии, когда работа у него идет плохо или совсем не идет’. Как видно из этого описания, *X-у не работается* и *X-у плохо работается* почти синонимы. Наречие *хорошо* и его синонимы тоже не создают нового смысла, а лишь усиливают уже имеющийся смысл ‘хорошо, легко’. Иными словами, отрицание и оценочные наречия взаимодействуют со значением безличного глагола, формирующего конструкцию, по особым правилам.

На основании сказанного можно предложить следующее толкование данной конструкции: *X-у P-ся* = ‘X делает P [пресуппозиция]; X находится в таком внутреннем состоянии, когда P не требует от него больших усилий [ассерция]; по мнению говорящего, это состояние возникло не потому, что X этого хотел, а в результате действия какой-то неопределенной и не зависящей от X-а силы’ [модальная рамка]¹⁰.

По-видимому, рассмотренный семантический лейтмотив – неподконтрольность ситуации субъекту и неопределенность той силы, которая является причиной наблюдаемого положения вещей – этноспецифичен в сильном смысле. Мы допускаем, что при переводе этой конструкции на другие языки можно отыскать описательные способы передачи похожего комплекса идей, но крайне маловероятно, что в других языках для этого найдутся столь же простые средства выражения.

1.2.2. Неуникальное значение с особым статусом в языке: многократность

Это значение тоже этноспецифично, однако в слабом смысле. В самом деле, в русском языке оно стандартно выражается наречиями и наречными сочетаниями *многократно, неоднократно, несколько раз, много раз, каждый раз, большими глотками (пил)* и т.п. Аналогичным образом оно выражается и во многих других языках и в этом отношении никакой этноспецификой не обладает. Этноспецифичным оно становится тогда, когда выражается самим глагольным словом (его основой, грамматической формой, словообразовательным аффиксом) или синтаксической конструкцией; в этом случае оно превращается в одну из ярких семантических доминант русского языка.

Значение многократности (итеративности, глагольной множественности) неоднократно исследовалось в грамматике и типологии¹¹, особенно в связи с так называемыми способами действия – кумулятивным (*наносил дров, начитался романов*), дистрибутивным (*попадать, повставать*), суммарно-дистрибутивным (*понастроить, понавывудымывать*), прерывисто-смягчительным (*покальвать, покашливать*) и т.п. Ниже, по возможности избежав специальной терминологии, мы перечислим основные способы выражения этого значения, в том числе и различные “многократные” способы действия. Итак, многократное значение выражается:

а. Формами НЕСОВ в общефактическом многократном результативном значении; ср. *Я убеждал и не таких упрямцев.*

¹⁰ Ср. толкование А. Вежбицкой: “X <сейчас> делает что-то / не потому, что X хочет, чтобы что-то случилось с чем-то еще / X думает что-то вроде этого: / я чувствую, что могу <с>делать это хорошо / я не могу сказать почему / это не потому, что я хочу это” [Вежбицкая 1996: 68]. Как видим, два толкования формально различны. Однако наше толкование весьма близко к следующей описательной формулировке А. Вежбицкой: “В рассматриваемой конструкции человек представлен как лицо, которое, делая нечто, по какой-то непонятной причине не испытывает при этом никаких затруднений. Агнс чувствует, что предпринятая им деятельность протекает гладко (‘хорошо’), но, сколь бы рад он этому ни был, заслуги его в этом нет, так как успех достигается не в результате затраченных им самим усилий, а скорее благодаря действию каких-то непостижимых сил” [Там же].

¹¹ См., например [Шахматов 1925: 167; Карцевский 1928; Виноградов 1947: 511 и сл.; Маслов 1965: 76–78]. Из современных работ назовем [Храковский 1989: 25–50] и [Долинина 1996: 222 и сл.], с обширной дальнейшей библиографией.

б. Различными “способами действия”, в том числе приставочными, причем почти каждая глагольная приставка русского языка имеет по крайней мере одно многократное значение; ср. *бывать, выдвигать, есть, сживать, слышать, хаживать; выведывать, вынюхивать, выспрашивать; добудиться, дозвониться, попытаться; забросать (камнями), задарить, задергать (Ты совсем меня задергал); изолгаться, изорваться; изездить, исходить (весь русский Север); навербовать, насадить (берез), настроить (домов); обойти (магазины), обстирать (семью), объездить (страну); перебить (чашки), перезнакомить (гостей), перецеловать (всех девушек); перебрасываться, переглядываться, переругиваться; поглядывать, позвякивать, покашливать, пописывать; повытаскивать, понакидать, понаписать, понастроить; приговаривать, приплясывать, пристукивать; раззвонить (повсюду о своих намерениях), разузнать, расспросить; разбежаться, разбрестись, разойтись; сбежаться, слететься, съехаться; уговорить, умолить, упротить.*

в. Синтаксическими средствами, а именно кратной-длительной конструкцией с временным существительным в форме ТВОР МН или в составе предложно-именной группы *по* + ДАТ МН, как во фразах *Ночами <по ночам> она сидела над диссертацией* (много раз на протяжении длительного времени). Ср. обычную длительную конструкцию с временным существительным или количественной группой в форме ВИН типа *Всю ночь она сидела над диссертацией* и эмфатическую конструкцию со значением ‘очень много времени’ с существительным в форме ТВОР МН под главным фразовым ударением: *Она сидела над диссертацией Ночами.*

г. Глагольными лексическими средствами, а именно: (i) моторно-кратными глаголами перемещения типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, водить, носить* и т.п.; (ii) глаголами локализованного движения, управляющими творительным падежом и в форме НЕСОВ обозначающими последовательность однородных актов или квантов действия: *бить (хвостом), блуждать (глазами), болтать (ногами), вертеть <крутить> (головой), взмахивать (головой), вилять (хвостом), вихлять (бедрями), вращать (глазами), встряхивать (гривой), двигать (бровями), дергать (щекой), качать (головами), кивать (головой), махать (крыльями), моргать (глазами), мотать (головой), покачивать (бедрями), размахивать (кулаками), трепетать (крыльями), трясти (головой), шевелить (пальцами), шмыгать (носом).*

2. ПРИНЦИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

МСШ исходит из следующих теоретических представлений об устройстве языковых значений и возможностях их строгого научного описания:

1. Множество лексических значений естественного языка системно организовано, хотя и в меньшей мере, чем скажем, его грамматика.

2. Лексическая система имеет классификационный и операционный аспекты.

3. Как классификационная система лексика представляет собой нестрогую иерархию с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами.

4. Как операционная система она характеризуется правилами взаимодействия значений в тексте (здесь и далее имеются в виду только нетривиальные правила).

5. И классификация, и правила взаимодействия значений строятся на основе одного и того же набора системообразующих смыслов.

6. Значения всех содержательных единиц данного языка – лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных – могут и должны быть описаны на одном и том же семантическом метаязыке (в дальнейшем, в соответствии с целями данной работы, мы рассматриваем только лексемы).

7. Ввиду национальной специфики языковой картины мира в качестве семантического метаязыка должен использоваться не универсальный искусственный язык, а подъязык изучаемого естественного языка.

8. Главным методом описания любых содержательных единиц языка являются аналитические толкования их значений на этом метаязыке. Аналитические толкова-

ния – это многослойные структуры, в которых выделяется до пяти слоев смысла: асерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки.

9. Аналитическое толкование является главной частью полного семантического представления лексемы, в которое входят, кроме того, нетривиальные семантические признаки, коннотации, прагматическая информация и словарные семантические правила.

10. Полные семантические представления должны быть построены таким образом, чтобы путем их сравнения, в особенности путем сравнения толкований, можно было демонстрировать все семантические связи между различными лексемами в словаре и формулировать правила их семантического взаимодействия друг с другом и с другими единицами языка в текстах.

Ниже мы прокомментируем лишь некоторые из перечисленных тезисов, причем не обязательно в том порядке, в каком они здесь даны.

2.1. Понятие системообразующего смысла

Системообразующим называется смысл, который входит в большое число языковых единиц разной природы (многообразие обличий) и при определенных условиях одинаково проявляет себя относительно правил взаимодействия значений (единообразие проявлений). К числу системообразующих смыслов относятся:

а. Семантические примитивы, т.е. смыслы ‘делать’, ‘воспринимать’, ‘хотеть’, ‘мочь’, ‘чувствовать’, ‘знать’, ‘считать’, ‘говорить’, ‘существовать’, ‘быть’, ‘находиться’, ‘предшествовать’, ‘я’, ‘отношение’, ‘объект’, ‘время’, ‘пространство’, ‘причина’, ‘условие’, ‘свойство’, ‘часть’, ‘число’, ‘количество’, ‘норма’, ‘ситуация’, ‘один’, ‘хороший’, ‘больше’, ‘не’ и ряд других.

б. Некоторые смыслы, более сложные, чем семантические примитивы, например, ‘готов’, ‘должен’, ‘намерен’, ‘перемещаться’, ‘начаться’, ‘прекращаться’, ‘продолжаться’, ‘цель’, ‘момент’ и ряд других. С помощью аналитических толкований они в конечном счете сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Ср. известные толкования *продолжаться* ≈ ‘не прекращаться’, *Р прекратился* ≈ ‘начался не Р’, *начался Р* ≈ ‘До момента t Р не существовал, после t Р существует’. Как видим, сложное значение *продолжаться* почти полностью сведено к структуре, составленной из примитивов ‘существовать’ и ‘не’¹². За пределами этого списка остался только смысл ‘момент’, который, впрочем, тоже легко сводится к примитивам.

в. Некоторые смыслы, более простые, чем семантические примитивы. Они не вербализуются в данном языке никакими свободными лексемами “первого плана” и представляют собою либо пересечение значений семантического примитива и его ближайшего неточного синонима (ср. пары *знать* и *ведать*, *считать* и *думать*, *хотеть* и *желать*, *чувствовать* и *ощущать*), либо пересечение значений самих семантических примитивов (ср. стивные глаголы *знать*, *считать*, *хотеть*, *чувствовать*, в значениях которых есть то общее, что все они являются названиями разного рода внутренних состояний). В силу напрашивающейся аналогии с физикой, такие невербализуемые пересечения значений в [Апресян 1995а: 478–482] были названы семантическими кварками. Именами семантических кварков (в тех случаях, когда они нуждаются в именовании) являются лингвистические термины. Таковы, например, термины ‘стативность’ и ‘акциональность’.

По определению (см. выше), системообразующие смыслы обладают двумя важными свойствами.

Во-первых, они входят в состав значений многих языковых единиц разной природы – лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и дру-

¹² Сведение сложного значения через ряд промежуточных этапов к определенной структуре семантических примитивов получило название “семантической редукции”.

гих. Так, смысл 'причина' выражается существительными *причина* и *подоплека*, глаголами *вызывать* и *приводить* (к чему-л.), наречиями *поэтому* и *оттого(-то)*, союзами *потому что* и *поскольку*, предлогами *из-за* и *за* (неимением, недостатком), (устаревшим) творительным причины (ср. *Ошибкою добро о ком-нибудь сказали?*), словообразовательным элементом *-творный* в составе прилагательных *кровотворный, снотворный, болезнетворный*, препозитивным деепричастным оборотом с деепричастием стативного глагола (*Зная, что переубедить его невозможно, я прекратил спор*) и рядом других.

Во-вторых, при некоторых условиях (главное из них – нахождение в вершине асертивной части толкования) системообразующие смыслы активны в правилах взаимодействия значений в тексте, причем во многих правилах они проявляют себя единообразно, независимо от того, в состав какого значения входят. В частности, глаголы с чисто причинным значением не могут подчинять обстоятельства цели; ср. неправомерность **Повышение цен вызвало кризис, чтобы окончательно разрушить экономику страны*. Напротив, наличие смысла 'делать' в вершине толкования обуславливает способность соответствующей лексемы управлять дополнением или обстоятельством со значением цели (*Он сделал это, чтобы помочь тебе*). Кроме того, такие глаголы способны употребляться в повелительном наклонении: *Сделай милость, помолчи*. Заметим, что глаголы состояния ни тем, ни другим свойством не обладают; ср. невозможность **Он знает древние языки, чтобы заняться дешифровкой*, **Знай древние языки* (надо: *Он изучает древние языки, чтобы заняться дешифровкой, Изучай древние языки*).

2.2. Семантическое представление лексемы в МСШ

2.2.1. Толкования

Как было сказано выше, главным инструментом описания значений любых языковых единиц являются их аналитические толкования на специальном семантическом метаязыке. Этим МСШ отличается от других школ современной семантики, за исключением школы Анны Вежбицкой.

Семантический метаязык – это упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка.

Упрощение состоит в том, что в подъязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях. При этом ядро словаря метаязыка образуют системообразующие смыслы первых двух классов, т.е. семантические примитивы и более сложные слова-смыслы типа *начать, перестать, момент, цель* и т.п. Кроме этого ядра словарь метаязыка включает довольно большое число так называемых промежуточных слов-смыслов. Для них характерно вхождение в состав значений многих лексических единиц данного языка¹³. Таков, например, смысл 'требовать', повторяющийся в толкованиях лексем *бастовать, вызывать (в суд), вымогать, забастовка, настаивать, повестка, призвать (кого-л. к порядку), (строго) спрашивать 4 с кого-л., спрашивать 3 (что-л. у кого-л., например, Спроси у него документы), ультиматум, шантаж, шантажировать* и т. п.

Стандартизация состоит в том, что каждое такое слово должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла. Иными словами, в метаязыке у него не должно быть синонимов и омонимов. Отступления

¹³ В сущности, здесь дано достаточно формальное определение промежуточных слов-смыслов: они входят в состав значений многих лексических единиц. В этом отношении они подобны системообразующим смыслам. Однако обычно они не входят в значения служебных слов и грамматических единиц и не фигурируют в правилах взаимодействия значений. В этом отношении они отличаются от системообразующих смыслов.

от этого правила допускаются в тех случаях, когда грамматический или сочетаемый контекст толкования исключает возможность использования стандартного имени данного смысла. Например, если толкование формулируется в настоящем времени и если в нем по смыслу надо было бы употребить глагол-связку *быть*, которая в форме НАСТ обычно выражается нулем, *быть* заменяется одним из своих синонимов; ср. *Х боится Y-а* = 'Х находится в таком эмоциональном состоянии, какое бывает, когда...'. В этом толковании нарушены сразу оба условия: вместо полагающегося по смыслу *есть* использован его синоним *находится*, у которого в метаязыке есть "омоним" – тот же глагол, но в локативном значении.

Предполагается, что все такие отступления перечислимы и что в случае необходимости (например, если требуется полностью формализовать семантические представления для конкретной компьютерной системы) они могут быть элиминированы, правда, за счет некоторых потерь в приемлемости языка толкований для носителей языка.

Сами аналитические толкования должны отвечать условиям полноты и неизбежности. Приведем в качестве примера аналитические толкования некоторых речевых актов¹⁴.

Х просит Y-а сделать P [Он попросил меня купить ему билет на последний рейс] = '(а) человек X хочет, чтобы было P, и считает, что человек Y может сделать P, и не считает, что Y должен делать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) X говорит это, потому что хочет, чтобы было P [мотивировка]'.

Х требует от Y-а, чтобы Y сделал P [Не требуйте от меня невозможного] = '(а) человек X хочет, чтобы человек Y сделал P, и считает, что Y должен сделать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) X говорит это, потому что считает, что Y должен сделать P [мотивировка]'.

Х спрашивает 1 Y-а, P [здесь P – косвенный вопрос, вводимый словами кто, где, когда и т. п., например, Он спросил меня, когда я иду в отпуск] = '(а) человек X хочет знать P и считает, что человек Y знает P [пресуппозиции]; (б) X просит Y-а, чтобы Y сказал ему P [ассерция]; (в) X просит об этом потому, что хочет знать P'.

Х спрашивает 2 Y-а (у Z-а) [В гостинице спросишь администратора] = 'Человек X просит человека Z позвать человека Y или дать X-у возможность войти в контакт с Y-ом'.

Х спрашивает 3 Z у Y-а [Спрашивай у него документы, а то уйдет (М. Булгаков)] = 'Человек X требует от человека Y, чтобы тот дал или показал ему Z'.

Толкования, построенные на таком метаязыке и отвечающие указанным требованиям, являются главным инструментом для установления и демонстрации системных семантических связей между лексемами в словаре (синонимии, антонимии, конверсии, регулярной полисемии, семантической производности и т.п.), с одной стороны, и основой для формулировки правил взаимодействия значений, с другой.

¹⁴ В основу толкований *просить* и *требовать* положены формулировки, данные в [Апресян 1974: 109]; толкование лексемы *спрашивать 1* принадлежит М.Я. Гловинской и автору и заимствовано из нашей совместной словарной статьи в [Апресян и др. 2004: 1095]. Из обширной литературы по речевым актам для нас особенно важными были исследования [Иорданская 1985; Wierzbicka 1987] и [Гловинская 1993; 2005 (в печати)], хотя мы не сочли возможным использовать все идеи этих авторов. В частности, в наши толкования не включены смысловые компоненты 'Я не знаю, станешь ли ты это делать' (для *ask* 'просить') и 'Я допускаю, что всякий скажет, что есть хорошие основания, почему Y должен сделать P' (для *demand* 'требовать') из [Wierzbicka 1987: 40, 50] и указание на способ выполнения речевого акта *просить* из работы [Гловинская 2005 (в печати)]: 'субъект говорит это так, что адресат понимает, что субъект не считает его обязанным делать P'.

2.2.2. Другие составляющие семантического представления

Помимо толкований в полное семантическое представление лексемы, как было сказано выше, должны входить еще сведения о словарных правилах, которым она подчиняется, а также о нетривиальных семантических признаках, коннотациях и прагматических (культурных, “наивно-энциклопедических”) особенностях лексемы. Ниже мы прокомментируем только нетривиальные семантические признаки и прагматические особенности лексемы.

а. Нетривиальные семантические признаки. Имеются в виду такие признаки, как нефасадность для существительных, предельность для прилагательных, акциональность, стативность и моментальность для глаголов и т.п. Напомним содержание первого из них.

Пространственные предлоги *перед* и *за* при нефасадных существительных (лишенных неизменной “анатомии”, в частности, постоянного “переда” и “зада”) порождают представление о наблюдателе, занимающем определенную позицию относительно двух ориентируемых в пространстве предметов; ср. *Перед стеклом стояла пепельница* (пепельница находилась между стеклом и наблюдателем, скорее ближе к стеклу, чем к наблюдателю) – *За стеклом стояла пепельница* (стекло находилось между наблюдателем и пепельницей, скорее ближе к пепельнице, чем к наблюдателю). Те же предлоги в контексте фасадных существительных (обладающих собственной неизменной “анатомией”) никакого представления о наблюдателе в обычных условиях не порождают; ср. *Пепельница стоит перед <за> телевизором*.

Нетривиальные семантические признаки по большей части соответствуют либо второму из двух упомянутых выше классов кварков, либо какому-то классу или подклассу фундаментальной классификации предикатов.

б. Культурные, прагматические и иные “наивно-энциклопедические” сведения. Их необходимость (в других терминах) была показана еще в [Vendler 1967: 191–193] на примере названий родства. Речь идет об интерпретации примеров типа *хорошая <плохая> сестра, хороший <плохой> брат*. Очевидно, что значения самих названий родства не включают смысловых компонентов, к которым могли бы присоединяться оценочные прилагательные *хороший* и *плохой*. Действительно, *брат X-а* = ‘человек мужского пола, родители которого являются родителями X-а’, но *хороший брат* ≠ ‘хороший человек мужского пола...’. Значит, в “наивно-энциклопедическую” зону для таких слов должно быть включено представление о функциях, которые люди, связанные родственными отношениями, в соответствии с нормами данного общества выполняют по отношению друг к другу. В словосочетаниях типа *хороший <плохой> брат* оценивается именно то, как они выполняют эти функции.

Интересные прагматические особенности обнаруживают доминанты синонимических рядов. Как известно, доминантой ряда называется наиболее употребительный и стилистически нейтральный синоним, который имеет наиболее общее в данном ряду значение, полный набор грамматических форм, наибольший набор синтаксических конструкций и самую широкую сочетаемость. Эти свойства создают прагматическую специфику доминант – способность обслуживать такие ситуации действительности, в которых другие синонимы ряда не употребляются. Например, в группе синонимов *спрашивать, осведомляться* и *справляться* лишь первый глагол, являющийся доминантой ряда, способен употребляться в функции экзаменационного и риторического вопросов. Экзаменационный вопрос: *На экзамене по истории его спросили, когда была основана Александрия, но не *На экзамене по истории у него осведомились <справились>, когда была основана Александрия*. Риторический вопрос: *Но я спрашиваю: почему --- все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице?* (М. Булгаков. Собачье сердце). Сведения о способности вводить эти два типа вопросов должны фигурировать в прагматической зоне словарной статьи *спрашивать*, но не в словарных статьях его синонимов.

2.3. Системные семантические связи между лексемами

По любому смысловому компоненту, входящему в полное семантическое представление лексемы или в собственно толкование, она оказывается связанной с другими лексемами и вместе с ними образует определенный семантический класс. Если общие смысловые компоненты занимают одни и те же позиции в семантических представлениях всех лексем такого класса, у них обнаруживаются некие совпадающие несобственно семантические свойства – морфологические, словообразовательные, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические и т.п.

В зависимости от характера общих смысловых компонентов получаются классы большего или меньшего объема. В качестве примера мы рассмотрим некоторые классы фундаментальной классификации предикатов, т.е. классификации Маслова-Вендлера, известной также под названиями “таксономической” и “онтологической”¹⁵, и некоторые более мелкие классы.

2.3.1. Фундаментальная классификация предикатов

Фундаментальной называется классификация предикатов, понятия которой необходимы для лингвистических правил – морфологических, словообразовательных, синтаксических, семантических, коммуникативно-просодических, сочетаемостных и других. Ее основными классами являются действия (*строить, идти*), деятельности (*торговать, воевать*), поведения (*блуждать, капризничать*), занятия (*играть, отдыхать*), воздействия (*размывать, прогревать*), процессы (*расти, гореть*), события (*встречать, находить*), существования (*существовать, быть*), пространственные положения (*стоять, лежать*), состояния (*знать, хотеть*), свойства (*заикаться, виться*), проявления (*блестеть, горчить*), параметры (*весить, стоить*), отношения (*включать 2, состоять из*), интерпретации (*ошибаться, соблазнять*) и ряд других¹⁶.

Каждый из этих классов обладает семантически мотивированными общими свойствами; мы в качестве примера рассмотрим синтаксические свойства существования и положений в пространстве.

К классу существования относятся: а) глаголы, у которых главным компонентом толкования является семантический примитив ‘существовать’; б) глаголы, у которых главным компонентом толкования являются конфигурации смыслов ‘начать существовать’, ‘продолжать существовать’, ‘должен существовать’¹⁷; в) любые глаголы, обозначающие типичный способ существования данного объекта (*Ветер дует, Поемка кружит*) или его перцептивного проявления. Вот репрезентативный список существований: *бывать, быть, виднеться, виться <извиваться>* (о тропе и т.п.), *возникнуть (Возникли осложнения), вспыхнуть, выйти (Вышла неприятность), выявляться, держаться (В комнате еще держался неприятный запах), дуть (Дул сильный ветер), жить (Живет на свете такой парень), завестись (У нас завелись*

¹⁵ Назовем основные работы, в которых эта классификация разрабатывается применительно к материалу русского языка: [Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Гловинская 1982; 2001; Зализняк 1992; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 1996; 2004; Апресян 2003; 2004; Розина 2004].

¹⁶ Необходимо обратить внимание на концептуальные и терминологические отличия этой версии классификации от версий, развиваемых в работах Т.В. Булыгиной, Е.В. Падучевой и некоторых других авторов. Мы стремились к тому, чтобы названия классов по возможности соответствовали употреблению одноименных слов в естественном языке.

¹⁷ Иной статус имеют глаголы со значением прекращения существования (чаще всего звуковые и световые), такие, как *гаснуть, замирать, затихать, исчезать, меркнуть, отгреметь, отзвонить, отзвучать, смолкать, стихать, умолкать, утихать*. Значение ‘перестать’ делает явление, о котором идет речь, определенным (ср. *Звуки в аллее замерли <утихли>*), и поэтому большая часть свойств экзистенциальных глаголов у них отсутствует.

тараканы), *загореться* (*Загорелся бой*), *зародиться*, *значиться*, *иметься*, *кипеть* (*Кипят страсти*), *кружить* (*В степи кружила поэмка*), *крутить* <*крутиться*> (*Между домами крутилась поэмка*), *множиться* (*Множатся попытки решить проблему рака*), *надвигаться* (*Надвигается буря*), *назреть* (*Назревает скандал*), *найтись* (*Нашились умники, которые этому не поверили*), *наличествовать*, *наметиться* (*Наметились изменения к лучшему*), *насчитываться*, *обитать* (*В Африке обитают львы*), *обнаружиться*, *обозначиться* (*Обозначились изменения к лучшему*), *оказаться* (*У него не оказалось спичек, В гостинице не оказалось свободных мест*), *оставаться* (*До отхода поезда остается 2 минуты*), *полагаться*, *получиться* (*Получилась крупная неприятность*), *понадобиться*, *попасть*, *появиться* (*Появились первые цветы*), *прийти* (*Когда же юности мятежной / Пришла Евгению пора*), *происходить* (*Происходят странные вещи*), *прорезаться*, *проступить*, *разгораться* (*Разгораются споры*), *раздаться* (*Раздался звонок*), *разразиться* (*Разразился скандал*), *светить*, *случаться*, *слышаться*, *создаваться* (*Создается впечатление*), *сохраняться*, *существовать*, *требоваться*, *уродиться*, *цвести* и т.п.

Для всех существований в большей или меньшей мере характерны следующие семантически относительно хорошо, хотя и не стопроцентно мотивированные синтаксические свойства: (i) инверсия подлежащего и сказуемого в утвердительном высказывании, ср. *Жили-были дед да баба, Дул сильный ветер, Назревает скандал, Пришло время подвести итоги*; (ii) нормальный порядок слов в отрицательном высказывании, ср. *Ветер не дул, Цветы еще не появились, Время подводить итоги еще не пришло*; (iii) наличие локативных или временных детерминантов, ср. *По склону холма вьется тропка, В Африке водятся львы, В феврале стояли жуткие морозы*; (iv) нерасчлененность простейших (только глагол и подлежащее) утвердительных высказываний с глаголами существования на тему и рему; (v) возможность мены именительного падежа подлежащего на родительный в контексте отрицания (это свойство в определенной степени лексикализовано; см. выше стр. 5 и сл.).

К положениям в пространный относятся глаголы, у которых на определенном шаге семантической редукции в вершине ассерции обнаруживается смысл 'находиться в определенной позе'; таковы глаголы *висеть*, *лежать*, *облокотиться*, *опираться*, *сидеть*, *стоять*. Все они обладают тем интересным синтаксическим свойством, что управляют четырьмя актантами, выполняющими следующие семантические роли: локализуемого объекта (*кто / что висит, лежит, опирается, сидит* и т.п.), места (*висеть <лежать, сидеть, стоять> в комнате*), опоры (*висеть на перекладине, лежать <сидеть, стоять> на полу, опираться <облокотиться> на перила*) и рабочей части предмета, на которую он опирается (*висеть на руках, лежать на боку, сидеть на корточках, стоять на одной ноге, опираться локтем*).

2.3.2. Системные связи между лексемами, отражаемые в толкованиях

Если взглянуть на приведенные выше аналитические толкования лексем *просить*, *требовать*, *спрашивать 1*, *спрашивать 2* и *спрашивать 3*, станет понятно, как в МСШ решается сложный вопрос о формальной демонстрации семантических связей между различными лексемами в словаре. Обратим внимание на следующие детали приведенных толкований:

а. Они формально демонстрируют принадлежность всех рассмотренных лексем к одному и тому же семантическому классу, а именно к речевым актам; ср. наличие смысла 'говорить (кому-л. что-л.)' в вершине ассертивной части всех толкований. Этот смысл либо явно включен в толкование лексем (ср. *просить* и *требовать*), либо обнаруживается в них на нужном месте на втором шаге семантической редукции (так обстоит дело с тремя лексемами глагола *спрашивать*).

б. В них формально отражены связи между всеми рассмотренными значениями полисемичного глагола *спрашивать*, а также связи между *спрашивать 1* и *просить*, *спрашивать 2* и *просить* и, наконец, между *спрашивать 3* и *требовать*.

в. Они формально объясняют все сходства и различия между *просить* и *требовать*. В обоих случаях говорящий хочет, чтобы адресат что-то сделал (ср. ассертивные части толкований). Однако автору просьбы важно, чтобы что-то было сделано, и менее важно, кто именно это сделает. Между тем для автора требования важно, чтобы что-то было сделано именно адресатом. Формально объясняется и интуитивно ощущаемая мягкость акта просьбы по сравнению с актом требования. В словарях *требовать* толкуется как ‘просить в категорической форме’, что, конечно, некорректно. Требование ни в каком смысле не является разновидностью просьбы. Корень различий между тем и другим – в различии модальностей: в случае просьбы говорящий считает, что адресат может сделать Р, хотя и не должен, а в случае требования он считает, что адресат должен сделать Р.

Аппарат толкований был использован в лексикографических масштабах при составлении Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (НОСС’а), см. [Апресян и др. 2004]. При этом была сделана попытка выявить системные связи (или, что то же самое, повторяющиеся, “сквозные” сходства и различия) между элементами синонимических рядов, разными лексемами многозначных слов, аналогами, точными и неточными антонимами, точными и неточными конверсивами и т.п. Продемонстрируем сказанное примерами из области синонимии.

Глагол *уповать* отличается от своего ближайшего синонима *надеяться* тем, что указывает на некую высшую силу как на источник надежды. Это либо нечто сверхъестественное, либо человек, организация и т.п., чьи возможности намного превосходят возможности субъекта; ср. *уповать на Бога* <на милосердие Божие, на Провидение, на Промысел>, *уповать на царя* <на правительство>. Поэтому *уповать* было бы неуместно во фразе типа *Теперь можно надеяться только на себя*. Различие на смысл ‘высшая сила’ характерно также для следующих пар глагольных лексем (второй приводится лексема, в значении которой так или иначе представлена ссылка на высшую силу): *обещать* и *клясться*, *бояться* и *трепетать*, *жаловаться* и *роптать*, *наказывать* и *карат*, *прогнозировать* и *пророчить*, *назначение* и (*высокое*) *предназначение*, *уважение* и *пиетет* и других.

Во многих синонимических рядах, особенно со значением осуждения или одобрения, синонимы могут различаться по способности обозначать не только ментальный акт, но и акт речи; ср. *обвинять* (и то, и другое) – *винить* (как правило, ментальное состояние), а также аналогично устроенные пары *порицать* и *осуждать*, *восторгаться* и *восхищаться*, *кипятиться* и *сердиться*¹⁸.

Приучиться к чему-либо можно намеренно или ненамеренно, а *пристраститься* и *приохотиться* – только ненамеренно. Аналогичные различия представлены в ряду *замереть*, *застыть* (и то, и другое) – *остолбенеть*, *оцепенеть*, *окаменеть* (только ненамеренно); ср. *Он выжидательно замер*, *Тигр застыл перед прыжком*, но не **Он выжидательно остолбенел* <*оцепенел*, *окаменел*>, **Тигр остолбенел* <*оцепенел*, *окаменел*> *перед прыжком*.

В парах синонимов *приказывать* – *велеть*, *просить* – *упрашивать*, *спрашивать* – *вопросить* только левый глагол способен к перформативному употреблению.

Постоянно повторяются в синонимических рядах различия в оценке и интенсивности; ср. пары *гордиться* – *кичиться*, *жаловаться* – *ныть*, *обещать* – *сулить*, *оправдать* – *выгородить*, *писать (картину)* – *малевать*, где левый элемент оценочно нейтрален, а правый выражает отрицательную оценку субъекта действия или состояния; и пары *восхищаться* – *восторгаться*, *надоест* – *осточертеть*, *радоваться* – *ликовать*, *рассердиться* – *разъяриться*, *удивляться* – *изумляться*,

¹⁸ В выборке, содержащей 32 прозаических текста с глагольными формами *кипятился*, *закипятился*, *раскипятился*, 18 раз эти глаголы употреблены в контексте прямой речи; ср., например: – *Счищайте скорей, негодные!* – *кипятился гражданин* (Н. Носов. Замазка); – *Мальчишка!* – *закипятился Калибан* (Б. Акунин. Любовница Смерти).

хотеть – жажда, где правый элемент описывает более интенсивное состояние, чем левый¹⁹.

2.4. Лексика как операционная система: семантические правила

Разработка семантических правил, или правил взаимодействия значений различных языковых единиц в текстах, с самого начала составляла одно из главных отличий МСШ от других школ современной семантики. В своем нынешнем виде теория взаимодействия значений, развиваемая в МСШ, может быть представлена следующими тезисами:

а. В множестве системообразующих смыслов выделяются семантически активные смыслы, на которых и разыгрываются нетривиальные правила взаимодействия значений. Назовем главные из них: (i) отрицание; (ii) кванторы; (iii) количественные значения, включая значение степени и интенсивности; (iv) оценки; (v) модальности, в особенности значения намерения, возможности и долженствования.

Пример семантического правила: при глаголе *привыкать* отрицание *не* может воздействовать либо на сам этот глагол (нормальное отрицание), либо на какой-то элемент подчиненной ему группы инфинитива (смещенное отрицание). Ср. *Он не привык работать со словарями* VS. *Я не привык разговаривать в таком тоне* ≈ *Я привык разговаривать не в таком тоне* ≈ *Я привык разговаривать в другом тоне*. Любопытно, что при ближайшем синониме *привыкнуть* – глаголе *приучиться* – возможно только нормальное отрицание: *Он не приучился работать со словарями*.

б. В зависимости от природы взаимодействующих значений различаются правила взаимодействия (i) лексических значений с грамматическими, (ii) лексических значений с лексическими, (iii) грамматических значений с грамматическими. Для лексикографии представляют интерес лишь первые два типа правил, которые мы проиллюстрируем на материале глагола *хотеть*.

Словари выделяют у него два разных значения, которые мы обозначим как ‘чистое желание’ и ‘намерение’²⁰.

Выражению значения чистого желания способствуют следующие факторы: (i) рematicность *хотеть*, т.е. нахождение *хотеть* под главным фразовым ударением или под отрицанием; ср. *Коля ↓хотел жениться на ней (но мать была против)*, *Лара не хотела плакать при посторонних* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); (ii) наличие при нем наречий или частиц со значением интенсивности типа *очень, безумно, как, так*; ср. *Как он хотел спать!*, *Ребенок так хотел посмотреть на обезьянок!*; (iii) контекст стативных глаголов; ср. *Я хочу знать, о чем вы с ним толковали*; *Люди так устроены, что хотят верить в разные чудеса* (Е. Тарле. Наполеон); (iv) несовпаде-

¹⁹ В свете этих примеров утверждение Е.В. Падучевой о том, что “семантическое расстояние между разными словами – даже между относительно близкими синонимами – обычно достаточно велико” и что “минимальные и повторяющиеся семантические соотношения бывают только между исходным значением слова и его семантическими дериватами” [Падучева 2004: 18] нуждается в уточнении. По нашим наблюдениям семантические отношения между словами в случае синонимии, не говоря уж об антонимии, конверсии, гиперонимии, гипонимии и когипонимии, отличаются с указанной точки зрения от семантических отношений между исходным и производными значениями слова чисто количественно. Очевидно, с другой стороны, что “минимальные и повторяющиеся семантические соотношения” характеризуют главным образом регулярную многозначность, притом преимущественно метонимически (а не метафорически) мотивированную.

²⁰ Вопрос о том, создает ли различие между ‘чистым желанием’ и ‘намерением’ разные лексемы глагола *хотеть* или только разные употребления внутри одного и того же лексического значения, в данном случае несуществен, поскольку предлагаемое описание совместимо с любым его решением.

ние субъекта желания и субъекта действия; ср. *Хочешь, валенки сниму / Как пушинку подниму* (О. Мандельштам. Жизнь упала как зарница).

Все перечисленные контексты исключают возможность реализации значения намерения. Последнее по природе вещей тематично, не допускает градуирования (ср. неправильность **Я очень <безумно> намерен поехать на конференцию в Питер*), требует указания на действие, потому что состояние планировать нельзя (ср. неправильность **Я намерен радоваться <верить тебе, считать, что тебе повезло>* и возможно только при совпадении субъекта желания и субъекта действия. Для значения намерения характерно указание временных рамок данного состояния, что происходит в следующих условиях: (i) при сочетании *хотеть* с глаголами действия в форме СОВ, ср. *Лара хотела убить человека, по Пашиным понятиям, безразличного ей* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); (ii) в контексте частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия; ср. *Он хотел было <уже хотел> выключить рацию, но передумал*; (iii) в контексте временных слов и выражений типа *теперь, как раз, только что, перед этим, после этого, потом* и т.п., ср. *Я только что хотел сообщить вам, что собрание отменяется; Я как раз хотела попросить тебя объяснить мне квадратные уравнения* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Теперь можно сформулировать правила.

Правило согласования лексического значения с грамматическим: в первом круге употреблений (или в значении чистого желания) *хотеть* сопрягается с актуально-длительным значением формы НЕСОВ. Это особенно характерно для тех случаев, когда глагол *хотеть*, сам по себе или в контексте соответствующего наречия, обозначает интенсивное желание; ср. *Я безумно хочу есть <пить>, В этот момент он безумно хотел спать*. Значение намерения с актуально-длительным значением НЕСОВ не сопрягается; ср. примеры типа *Я сейчас хочу пойти домой*, где *сейчас* по смыслу относится не к *хотеть*, а к *пойти домой* и значит не 'в данный момент', а 'в самом скором времени'.

Правило согласования лексических значений друг с другом: глагол *хотеть* и его ближайший синоним *желать* в сочетании со стативными глаголами *знать, видеть, слышать* и т.п. в отрицательных предложениях приобретают усилительное значение неприятия чего-либо: *Не хочу тебя знать, Не желаю тебя больше видеть <слышать>*. Глагол *желать* сохраняет это значение и в сочетании с акциональными глаголами: *Я не желаю вас слушать; На это я ему резко ответил, что никаких объяснений давать не желаю* (Н. Валентинов. Встречи с Лениным). Между тем *хотеть* в сочетании с акциональными глаголами допускает значение чистого отрицания; ср. *Он не хотел идти туда VS Он не желал идти туда*. Глагол *жаждать* под отрицанием, наоборот, ослабляет свое значение. В сущности, он срastaется с отрицанием в своего рода фразему, которая значит 'не испытывать о с о б о г о желания делать что-либо'; ср. *Не жажду его видеть, Не жажду туда ехать*.

в. В зависимости от типа взаимодействия все правила вновь делятся на три класса: (i) правила семантического согласования; (ii) правила семантической модификации; (iii) правила нетривиальной области действия.

Пример правила семантического согласования: таково большинство рассмотренных выше правил, например, правило сочетания *хотеть* в значении чистого желания с актуально-длительным значением НЕСОВ.

Пример правила семантической модификации: лексема *ждать I (ждать* в основном значении) может быть истолкована в словаре следующим образом: *X ждет Y(-а) в Z-e* = 'зная или считая, что в месте Z должно или может произойти событие Y или событие, связанное с Y-ом, нужное человеку X или касающееся его, X находится в Z-e в состоянии готовности к нему'²¹. Ср. *Он ждал меня у ворот своей дачи*.

²¹ Компонент 'X готов к Y-у' был впервые включен в толкование *ждать* в [Жолковский 1964: 89].

Существуют, однако, такие употребления этой лексемы (они были замечены в [Зализняк 1992: 24, 106]), в которых ее словарное толкование модифицируется следующим образом: снимается указание на место ожидания и добавляется компонент 'хоть, чтобы нечто произошло'. Условием этой семантической модификации является либо контекст наречий степени *очень, страшно, не больно* и усилительных частиц *как, так*, либо главное фразовое ударение на *ждать*. Ср. *Он очень <так> вас ждал; Не больно-то он тебя ждет; Блок ждал этой бури и встряски* (Б. Пастернак. Ветер). См. также рассмотренные выше правила усиления и ослабления значений *хотеть, желать* и *жаждать* в контексте стативных глаголов в отрицательных предложениях.

Пример правила нетривиальной области действия: в только что рассмотренном примере дополнение *у ворот своей дачи* присоединяется к синтаксической вершине ассерции, а именно компоненту 'находится'. Вершина ассерции образует внешнюю, или тривиальную область действия, потому что так происходит взаимодействие значений в подавляющем большинстве случаев. В менее тривиальных случаях какой-то член предложения может иметь "внутреннюю сферу действия" (термин И.М. Богуславского) в толковании слова. Проиллюстрируем этот тип взаимодействия на материале другой лексемы глагола *ждать*: *Х ждал 2, что Р = 'Человек Х считал, что в относительно близком будущем произойдет событие Р'*. Здесь вершиной ассерции является компонент 'считать'. Во фразах типа *Я ждал тебя завтра* наречие *завтра*, как было показано в [Богуславский 1996: 103], имеет нетривиальную, внутреннюю сферу действия: оно не может связываться с вершинным компонентом толкования *ждать 2* (ср. неправильность сочетания 'считал завтра') и поэтому присоединяется к "вложенному" компоненту '(прибытие) произойдет завтра'. Именно поэтому фраза с глаголом в форме ПРОШ в контексте наречия будущего времени не воспринимается как грамматически неправильная.

2.5. Самые главные понятия

Мы завершили обзор некоторых принципиальных представлений теоретической семантики, которыми руководствуется МСШ. Какие-то из них разделяются и другими школами лингвистической семантики. Поэтому полезно указать те положения, которые являются самыми главными для МСШ и в то же время определяют ее специфику. Это: представление о семантическом метаязыке как упрощенном и стандартизованном подъязыке описываемого естественного языка; представление об аналитическом толковании (тексте на этом метаязыке) как главном инструменте описания значений любых лексических, словообразовательных и грамматических единиц; и представление о правилах взаимодействия значений, или семантических правилах как главном механизме получения смысла связанных высказываний из значений элементарных единиц языка – лексем, аффиксов, граммем и синтаксических конструкций.

3. ПРИНЦИПЫ СИСТЕМНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

3.1. Принцип активности

Хотя этот принцип формально отличается от принципа интегральности лингвистических описаний, его реализация приводит к тем же самым следствиям.

Принцип активности требует, чтобы лексемам в словаре была приписана вся информация, необходимая не только для понимания текстов, но и для гибкого использования языка в собственной речи говорящих. Поэтому словарная статья каждой лексемы должна содержать исчерпывающую информацию обо всех ее существенных свойствах – семантических, стилистических, прагматических, коммуникативных, просодических, синтаксических, сочетаемостных и морфологических. Совокупность таких сведений, вмес-

те с правилами, по которым строятся высказывания на данном языке, является формальным аналогом того, что называется языковой компетенцией говорящих.

В качестве примера продолжим характеристику лексем *быть* 2.1 = 'находиться' и *быть* 2.2 = 'приходить'. В дополнение к тем семантическим, синтаксическим, морфологическим и просодическим сведениям, которые были сообщены выше, в активном словаре необходимо еще указать, что:

а. Лексема *быть* 2.1 имеет все три формы времени (НАСТ, ПРОШ и БУД), а лексема *быть* 2.2 – лишь две из них, а именно ПРОШ и БУД (*Врач уже был, Директора сегодня не будет*): при *быть* 2.1 форма НАСТ выражается нулем, а при *быть* 2.2 вообще никак не выражается.

б. Лексема *быть* 2.1 в форме НАСТ в утвердительном предложении может быть представлена только нулем (*Он в школе, Они на работе*), но не формами *есть* и *суть*, допустимыми для некоторых других лексем глагола *быть*; в отрицательном предложении она может быть представлена только словом *нет* (*Его нет на работе*).

в. При *быть* 2.1 обязательно локативное или иное дополнение (*При нем были большие деньги, На нем была меховая шапка*), а при *быть* 2.2 даже обстоятельство времени факультативно (см. примеры выше).

г. *Быть* 2.1 конверсивен глаголу-связке *быть* 1.1 и при некоторых условиях заменяется ею (*На нем была меховая шапка – Он был в меховой шапке*), а для *быть* 2.2 такая трансформация невозможна.

д. Для *быть* 2.2 помимо конструкций с чисто локативным дополнением возможны устаревшие конструкции с дополнением конечной точки, в которых он может иметь только форму БУД; ср. *Вы будете к нам завтра?*

Подчеркнем, что ни один из существующих толковых словарей русского языка этих сведений не содержит.

3.2. Принцип системности

В разделе 2 было введено понятие полного семантического представления лексемы, которое складывается из ее аналитического толкования, приписанных ей словарных правил взаимодействия значений, нетривиальных семантических признаков, коннотаций и прагматической информации. В свою очередь, полное семантическое представление лексемы является главной частью ее интегрального лексикографического представления, включающего еще сведения о ее грамматической парадигме, синтаксических свойствах, сочетаемости, коммуникативно-просодических особенностях и т.п. Именно в таком виде лексема становится полноценным объектом лексикографии.

Понимаемые таким образом лексемы объединяются в классы лексем с одинаковыми или очень похожими свойствами, на которые одинаково реагируют определенные лингвистические правила. Такие классы лексем называются в МСШ лексикографическими типами. Рассмотрим это понятие на конкретном материале.

Как известно, моторно-кратные глаголы типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, возить, водить, носить* и т.п. противопоставлены моторно-некратным глаголам *идти, бежать, лететь, плыть, ехать, везти, вести, нести* и т.п. и в словарях обычно толкуются через эти последние, например, так: *ходить* = 'то же, что и *д т и*, с той разницей, что *х о д и т ь* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время'.

На самом деле за этой формулировкой толковых словарей русского языка скрываются по два разных значения моторно-кратных глаголов, причем каждое из них обладает своим набором свойств и взаимодействует со своим набором правил. В первом значении они обозначают занятие, цель которого состоит в том, чтобы выполнять данное действие: *Дети ходили <бегали> по двору*. Во втором значении они обозначают двунаправленное действие (туда и обратно), имеющее определенную внешнюю

цель; ср. *ходил <бегал> купаться, ходить <бегать> за газетами <на танцплощадку>*. Ниже мы ограничимся рассмотрением только непереходных глаголов.

На материале моторно-кратных глаголов различия между действием и занятием проявляют себя в ряде системных свойств²².

а. В значении действия моторно-кратные глаголы являются по крайней мере четырехместными предикатами, с агенсом (КТО), конечной точкой (КУДА), начальной точкой (ОТКУДА) и целью (ЗАЧЕМ) в качестве актантов. В значении занятия те же глаголы являются трехместными предикатами, с агенсом (КТО), местом или пространством перемещения (ср. *ходить по двору, бегать по площадке, летать по небу, плавать по реке*) и направлением (*ходить из угла в угол*).

б. У действий формы вида КУДА и ОТКУДА представляют разные и вполне самостоятельные валентности конечной и начальной точки, ср. *ходил в дом печати, ходил из дома (за газетами)*. Занятия подчиняют внешне похожие формы ОТКУДА КУДА (*ходил из конца в конец <из угла в угол>*), однако при занятиях такие формы обозначают не начальную и конечную точки, а направление перемещения. Об этом свидетельствуют конструкции типа *ходить назад и вперед*, в которых словам *назад* и *вперед* нельзя приписать ни значения конечной, ни тем более значения начальной точки; конструкции типа *ходить туда и сюда*, в которых и *туда*, и *сюда* обозначают конечные точки перемещения; невозможность перестановок типа **ходить сюда и туда*, **ходить вперед и назад*; и невозможность конструкций типа **ходить отсюда туда*, **ходить оттуда сюда*, в состав которых входят наречия с прототипическим значением начальной точки. В сущности, сочетания типа *из конца в конец, из угла в угол, назад и вперед, туда и сюда* являются фраземами, части которых неотделимы друг от друга.

в. У действий весьма разнообразно и своеобразно выражается валентность цели; ср. *ходить <бегать, ездить> по гостям <по делам>, ходить <бегать> на охоту <на водопой>, ходить <бегать> за хлебом <за газетой>, ходить <бегать> купаться <обедать>*. Эти способы выражения валентности цели характерны не только для моторно-кратных глаголов в значении действия, но и для всех вообще глаголов перемещения.

г. Из всех значений моторно-кратных глаголов только значение действия допускает образование формы СОВ: *сходил, сбегал, слетал, съездил* и т. п.

д. Занятия сочетаются преимущественно с процессными и узуальными значениями формы НЕСОВ, а действия – с результативными и узуальными; ср. *Посмотри, как малыши бегают по площадке, Ты сегодня ходил за газетами?*

Принцип системности требует, чтобы всякий раз, когда в словаре данного языка выделяется определенный лексикографический тип, он был описан единообразно во всем словаре.

Очевидно, что в рассмотренном материале необходимо выделить два разных лексикографических типа – моторно-кратные глаголы со значением занятий и моторно-кратные глаголы со значением действий. И тем, и другим должны быть приписаны все свойства соответствующего лексикографического типа в единой нотации. Нет необходимости говорить, что этому естественному требованию не удовлетворяет ни один толковый словарь русского языка.

Впрочем, в системной лексикографии тоже допускается отступление от этого принципа. Однако оно допускается только тогда, когда материал оказывает сопротивление попытке лексикографа распространить общую схему на конкретное слово. В таких случаях в действие вступает принцип лексикографического портретирования, в соответствии с которым со всей возможной полнотой описываются и специфические свойства каждой лексемы. Можно, например, заметить, что у глагола *бродить*, тоже

²² Здесь дается краткая сводка свойств моторно-кратных глаголов в значениях занятия и действия; более подробное описание см. в [Апресян 2005 (в печати)].

принадлежащего к классу моторно-кратных глаголов, в узусе хорошо представлено только значение занятия (*Выпускники бродили по ночному городу*), а значение действия недооформлено в силу того, что у *бродить* нет видимой цели. Значит, *бродить* выпадает из общей схемы, что должно быть в полной мере учтено в его лексикографическом портрете.

Если у глагола *бродить* недостает материала, чтобы целиком включить его в определенный лексикографический тип, то у глагола *ходить* обнаруживается избыток такого материала. В значении действия *ходить* управляет еще одним типом целевых предложно-именных групп помимо тех, которые были перечислены выше. Это лексически связанные группы вида *по + ВИН*, ср. *ходить по воду*, *ходить по грибы*, *ходить по ягоды*. Из числа моторно-кратных глаголов вполне идиоматично сочетается с ними только *ходить*. Хотя можно представить себе ситуацию, когда по грибы или по воду ездят, неправильно было бы приписывать глаголу *ездить* в его словарной статье способность управлять группой вида *по + ВИН*. Она – элемент лексикографического портрета глагола *ходить* в значении действия, но не других моторно-кратных глаголов перемещения.

Итак, семантическое исследование в духе МСШ требует гармоничного сочетания принципа унификации (типизации) и принципа индивидуализации, лексикографического типа и лексикографического портрета.

4. ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ: НОСС

Главным, хотя и не единственным лексикографическим продуктом МСШ за последнее десятилетие был НОСС; см. [Апресян и др. 2004] и предшествующие три выпуска этого словаря. В НОСС'е была сделана попытка реализовать все изложенные выше принципы МСШ.

Словарная статья НОСС'а включает разнообразную информацию о синонимах и может содержать более десяти зон: (1) вход – имена лексем, образующих данный ряд, с необходимой грамматической информацией и стилистическими пометами; (2) аналитическое толкование общей части значений входящих в данный ряд лексем на специальном семантическом метаязыке; (3) лексикографические речения, иллюстрирующие типичные случаи употребления синонимов данного ряда; (4) преамбулу, где указывается место данного ряда в лексико-семантической системе языка путем его сравнения с близкими к нему рядами синонимов и где реконструируется отраженный в них фрагмент языковой картины мира; (5) синопсис, где перечисляются семантические, референциальные, прагматические, коннотативные и коммуникативно-просодические признаки, по которым сходствуют и различаются элементы данного синонимического ряда; (6) подробное описание названных в предшествующем пункте сходств и различий между синонимами, с указанием языковых условий полной или частичной нейтрализации различий; (7) примечания, где перечисляются и коротко комментируются: а) синонимы, в силу своей периферийности (редкости, устарелости и т.п.) не включенные в данный ряд; б) значения многозначных слов, близкие к тому, в котором они входят в данный ряд синонимов; в) аналоги, т.е. тематически близкие слова; (8) грамматические формы, с указанием неполноты парадигм некоторых синонимов и правил взаимодействия их лексических значений с грамматическими; (9) синтаксические конструкции (модели управления, типы предложений и т.п.), свойственные или не свойственные тем или иным синонимам данного ряда; (10) сочетаемостные (лексико-семантические, морфологические, просодические) сходства и различия между синонимами; (11) иллюстрации из корпуса текстов; (12) служебные зоны, где перечисляются и, при необходимости, коротко комментируются фразеологические синонимы лексем данного ряда, их аналоги, их точные и неточные конверсивы, конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы и дериваты, включая семантические.

Ниже будут прокомментированы и коротко проиллюстрированы те зоны, которые содержат существенные лингвистические новации. В качестве иллюстрации ис-

пользуется преимущественно материал написанных автором словарных статей *заставлять 1, вынуждать 1, принуждать 1*, устар. *понуждать 1* и *заставлять 2, вынуждать 2, принуждать 2*, устар. *понуждать 2*; цифры при слове обозначают номер того значения, в котором оно является элементом данного ряда синонимов; они опускаются, если это не мешает пониманию.

4.1. Аналитическое толкование общей части значений синонимов

1. *X заставляет 1 <вынуждает 1, ...> Y-а сделать P* = ‘желая, чтобы человек Y, который не хочет делать P, сделал P, человек X делает что-то, являющееся причиной того, что Y не может не сделать P’ [по аналогии – о животных]; ср. *Своим вторым выстрелом полицейский заставил его остановиться.*

2. *X заставляет 2 <вынуждает 2, ...> Y-а сделать P* = ‘человек Y не хотел делать P; ситуация X является причиной того, что Y не может не сделать P’; ср. *Шаги и голоса в аллее заставили его обернуться.*

У толкований, как мы помним, есть и синтагматическая функция – объяснять взаимодействие языковых значений, как лексических, так и грамматических, в тексте. В частности, акциональный компонент ‘делает что-то’ в толковании *заставлять 1* объясняет возможность употребления этой лексемы в актуально-длительном значении НЕСОВ: *Посмотри, он заставляет собаку прыгнуть через кольцо* (≈ ‘на наших глазах пытается заставить’). Отсутствие такого компонента в толковании *заставлять 2*, в свою очередь, объясняет, почему для этой лексемы актуально-длительное значение НЕСОВ исключено. Фраза *Шаги и голоса в аллее заставляют его обернуться* имеет не актуально-длительное, а перфективное значение (Шаги и голоса в аллее не пытаются заставить его обернуться, а уже привели к тому, что он обернулся) и понимается скорее как нарративное (повествовательное) настоящее историческое.

4.2. Преамбула

В этой зоне решаются две задачи. Во-первых, показывается, какое место данный ряд синонимов занимает в более общем фрагменте лексико-семантической системы языка, для чего он сравнивается со своими аналогами – ближайшими к нему рядами других синонимов. Во-вторых, делается попытка реконструировать соответствующий данному ряду фрагмент “наивной”, или языковой картины мира – наивной физики, геометрии, психологии, этики и т.п. Ниже будет рассмотрена только первая задача.

В рассматриваемом случае элементы ряда *заставлять* сопоставляются со следующими рядами синонимов: *склонять 3, подталкивать 3, толкать 4; убеждать 2, уговаривать, уламывать, агитировать 2; призывать 3, взывать 2; подговаривать, подстрекать, подбивать 7; провоцировать 2, подзуживать, подначивать.*

Различительными для них оказываются, в частности, следующие смысловые признаки:

а. Категоричность – некатегоричность побуждения. *Заставлять* и его синонимы обозначают категоричное побуждение, а синонимы остальных рядов – некатегоричное; ср. *Хватит его уговаривать <уламывать, убеждать> – его надо заставить переписать отчет.*

б. Эффективность – неэффективность побуждения. Глаголы *призывать* и *взывать* в обеих видовых формах могут обозначать неэффективное воздействие на объект; ср. *Он призвал сограждан взяться за оружие, но никто на его призыв не откликнулся.* В отличие от этого, большинство синонимов всех остальных перечисленных выше рядов, включая и рассматриваемый ряд, в форме СОВ обозначают эффективное воздействие на объект, т.е. достижение желательного для субъекта результата. Ср. *Он заставил меня сесть.*

в. Способ осуществления. Синонимы рассматриваемого ряда, особенно в форме СОВ, могут обозначать неречевые действия; ср. *Он сделал молниеносный выпад и заставил <вынудил, принудил> меня отступить на шаг.* Большинство глаголов других перечисленных рядов (*склонять, убеждать, уговаривать, призывать, подговаривать, подзуживать* и т. п.) обозначают только речевые действия.

г. Структура самого акта побуждения. Синонимы ряда *убеждать, уговаривать, уламывать, агитировать* 2 обозначают сложное действие, состоящее из нескольких более простых актов, каждый из которых предполагает предъявление адресату нового аргумента в пользу того, чтобы он сделал что-то; синонимы всех остальных рядов могут обозначать и одноактное действие.

д. Оценка действия, которого субъект добивается от адресата. Глаголы двух рядов – *подговаривать, подстрекать, подбивать* и *провоцировать, подзуживать, подначивать* – выражают отрицательную оценку этого действия говорящим: *подстрекают (подбивают, подначивают и т.п.) человека сделать что-то плохое*, хотя, может быть, и выгодное или как-то иначе интересное для субъекта. В значениях других рядов, включая и рассматриваемый ряд синонимов, такая оценка не входит.

4.3. Синопсис и описание сходств и различий в значениях синонимов

Эта зона устроена в целом так же, как и предыдущая, однако различия между синонимами описываются гораздо более подробно. Ниже перечисляются смысловые признаки, по которым различаются синонимы ряда *заставлять* 1.

а. Указание на намеренность действия субъекта. Оно обязательно для глагола *понуждать* и может отсутствовать в случае *заставлять* и *вынуждать*; ср. *Она заставила говорить о себе* – может быть, без всякого намерения добиться такого эффекта, при полной невозможности *понуждать* в такой ситуации²³.

б. Характер воздействия на объект. Тот же глагол *понуждать* предполагает непосредственное, часто физически наблюдаемое воздействие на объект (ср. *Криками и хлыстом понуждал коня бежать быстрее*). Такое указание возможно для глагола *заставлять* и крайне нехарактерно для *вынуждать*.

в. Степень насилия над волей объекта. Она наибольшая в случае *вынуждать*, значительная в случае *принуждать*, наименьшая в случае *понуждать*.

г. Возможность неэффективного воздействия на объект. Наиболее склонен к такому употреблению глагол *понуждать*.

д. Тип объекта. *Заставлять*, в отличие от других синонимов ряда, допускает в качестве объекта неодушевленный предмет; ср. *заставлять колесо крутиться*, но, скорее всего, не *принуждать колесо крутиться*.

е. Возможность совпадения субъекта и объекта воздействия. *Заставлять* и *принуждать* можно и других людей, и самого себя (ср. *Он с трудом заставлял себя глотать эти лекарства*), *вынуждать* – преимущественно других людей, *понуждать* – только других людей; неправильно **Он с трудом понуждал себя глотать лекарства*).

ж. Характер ситуации, реализации которой добивается субъект. Для *вынуждать* характерно побуждение к сложным действиям, занятиям или деятельности; целью *понуждать* часто является перемещение объекта в нужном субъекту направлении, ср. *понуждал лошадь ходить по кругу*.

з. Способность употребляться в пересказывательном режиме для описания замысла художника, по воле которого его персонажи совершают те или иные действия. Такая способность есть у *заставлять*, нехарактерна для *принуждать* и *вынуждать* и отсутствует у *понуждать*; ср. *Автор заставлял своих героев совершать дикие поступки*, но не **Автор понуждает своих героев совершать дикие поступки*.

В условиях, когда имеет место непосредственное, намеренное и эффективное побуждение объекта к выполнению нежелательного для него действия, возможна частичная нейтрализация семантических различий и взаимозамена синонимов.

²³ Правда, в таких случаях происходит сдвиг значения *заставлять* 1 в сторону *заставлять* 2.

4.4. Примечания к ряду

В словарной статье может быть до трех типов примечаний, из которых в рассматриваемом ряду представлены два. Первое касается периферийных синонимов, не включенных в ряд: *неволивать, приневоливать* и *насиловать*; ср. *Я не стану тебя насиловать – не хочешь – не учись*.

Второе примечание посвящено уже упоминавшемуся значению 'быть причиной того, что человек Y, который не хочет делать P, не может этого не сделать'. Оно реализуется в конструкции с подлежащим, обозначающим не человека, а целую ситуацию, событие, факт и т.п. Ср. *Мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Для глаголов *заставлять* и *вынуждать* возможны промежуточные употребления, особенно в контекстах, где в роли субъекта действия выступает человек, действующий непреднамеренно. Ср. *Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего* (Л. Петрушевская. Лестничная клетка).

4.5. Грамматические формы

У синонимов *вынуждать, принуждать* и *понуждать* в узусе плохо представлена форма 1-Л ЕД БУД СОВ (т.е. *вынужу, принужу, понужу*). У глагола *заставлять* эта форма (*заставлю*) выражается вполне свободно.

В свою очередь, у глагола *заставлять* в узусе отсутствуют все формы СТРАД (хотя ни семантических, ни морфонологических противопоказаний к этому нет), между тем как у остальных трех синонимов есть по крайней мере форма СТРАД ПРИЧ НЕСОВ; ср. *вынуждаемый <принуждаемый, понуждаемый> к отказу*.

4.6. Синтаксические конструкции

Все синонимы ряда управляют формой ИНФ со значением содержания побуждения. Синонимы *принуждать* и *понуждать* управляют предложно-именной группой *к* + ДАТ (например, *к отказу*). Для глагола *заставлять* она полностью исключена. Глагол *вынуждать*, в отличие от прочих синонимов ряда, управляет еще формой ВИН в значении содержания побуждения; ср. *вынудить желаемое признание*. В таких случаях *вынуждать* оказывается в отношении конверсии с самим собой; ср. *вынудить кого-л. к признанию – вынудить признание у кого-л.*

Все синонимы ряда подчиняют именную группу в форме ТВОР в значении способа воздействия на объект или того побочного действия, которое непосредственно приводит к искомому результату; ср. *силой заставляя ходить в детский сад*. При всех синонимах ту же роль может выполнять деепричастный оборот; ср. *Направив на толпу ружья, солдаты заставили <вынудили, принудили> ее отступить*.

Все синонимы ряда, за исключением *вынуждать*, свободно употребляются в своем прототипическом значении в отрицательных предложениях. Глагол *вынуждать* сочетается с отрицанием преимущественно в форме ПОВЕЛ; ср. *Не вынуждай меня применять силу*.

4.7. Сочетаемость

Все синонимы ряда сочетаются с названием отдельного человека в качестве субъекта действия. Все синонимы, за исключением *понуждать*, сочетаются с названием организации, страны или иной совокупности людей в той же роли; ср. *заставить <вынудить, принудить> Францию капитулировать*. Глагол *заставлять*, имеющий наиболее широкое значение, свободно сочетается также с названиями животных в той же роли.

Все синонимы ряда сочетаются с названием человека в роли объекта действия. Глагол *заставлять* свободно сочетается с названиями животных в той же роли; ср. *заставлять собаку стоять на задних лапах*. Все синонимы ряда, за исключением

понуждать, сочетаются с названиями групп людей в качестве объекта воздействия; ср. *заставить <вынудить, принудить> бастующих выйти на работу*. Для глагола *заставлять* характерны слабо метафорические сочетания с названиями частей тела, органов человека, продуктов его деятельности, механизмов и их частей, природных объектов и других автономных сущностей или сущностей, мыслимых как автономные, в той же роли; ср. *заставил свои пальцы разжаться*. Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны или невозможны.

Наконец, глагол *заставлять* входит в состав разного рода клише, а также диалогических формул, включая вопросительные, типа *(не) заставить себя ждать, Не заставляй меня повторять, Кто тебя заставляет?* и т.п. Для *вынудить* такие сочетания допустимы, но не имеют статуса клише; для *принудить* они нехарактерны, а для *понуждать* – невозможны.

4.8. Служебные зоны

В рассматриваемом ряду синонимов есть три служебные зоны – аналогов, конверсивов к аналогам и дериватов.

Аналоги: *навязывать; приказывать, предписывать, велеть* и т.д.; *понукать; вменить в обязанность; ломать, давить; выкручивать руки*.

Конверсивы к аналогам: *приходиться*; ср. *Его заставили раздеться – Ему пришлось раздеться*.

Дериваты (включая семантические): *принуждение; давление, прессинг; принудительный; не мытьем, так катаньем; против воли, не по своей воле, поневоле, вынужденно, волей-неволей, под давлением, из-под палки*.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ДВОЙНОЙ СТАТУС СЛОВАРЕЙ

Конечной целью МСШ является создание словарей, имеющих двойной статус. Во-первых, словарь, наряду с грамматикой, рассматривается как необходимая составная часть полного научного описания языка, объектом которого является феномен владения языком. Во-вторых, тот же словарь наряду с грамматикой выступает и как самое полное практическое пособие при овладении данным языком, потому что он сообщает о каждой лексеме все сведения, необходимые для ее правильного употребления говорящими в различных условиях общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1969 – Ю.Д. *Апресян*. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // ИАН СЛЯ. 1969. № 1.
- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1985 – Ю.Д. *Апресян*. Синтаксические признаки лексем // RLing. 1985. V. 9. № 2–3.
- Апресян 1995а – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 1995б – Ю.Д. *Апресян*. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Ю.Д. *Апресян*, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Апресян 2003 – Ю.Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 22–24 сентября. СПб., 2003.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр., доп. / Под общим рук. акад. Ю.Д. *Апресяна*. Авторы: В.Ю. *Апресян*, Ю.Д. *Апресян*, Е.Э. *Бабаева*, О.Ю. *Богуславская*, И.В. *Галактионова*, М.Я. *Гловинская*, С.А. *Григорьева*, Б.Л. *Иомдин*, Т.В. *Крылова*, И.Б. *Левонтина*, А.В. *Птенцова*, А.В. *Санников*, Е.В. *Урысон*. Москва; Вена, 2004.
- Апресян 2005 (в печати) – Ю.Д. *Апресян*. Два принципа и два понятия системной лексикографии (в печати).

- Апресян и др. 1989 – Ю.Д. *Апресян*, И.М. *Богуславский*, Л.Л. *Иомдин*, А.В. *Лазурский*, Н.В. *Перцов*, В.З. *Санников*. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1989.
- Апресян и др. 1992 – Ю.Д. *Апресян*, И.М. *Богуславский*, Л.Л. *Иомдин*, А.В. *Лазурский*, Л.Г. *Митюшин*, В.З. *Санников*. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Апресян и др. 2004 – В.Ю. *Апресян*, Ю.Д. *Апресян*, Е.Э. *Бабаева*, О.Ю. *Богуславская*, И.В. *Галактионова*, М.Я. *Гловинская*, С.А. *Григорьева*, Б.Л. *Иомдин*, Т.В. *Крылова*, И.Б. *Левонтина*, А.В. *Птенцова*, А.В. *Санников*, Е.В. *Урысон*. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. *Апресяна*. Изд. 2-е, испр., доп. Москва; Вена, 2004.
- Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1998 – Н.Д. *Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1998.
- Богуславский 1982 – И.М. *Богуславский*. Синтаксис отрицательных предложений // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974–1978 гг. Синтаксис. Материалы для обсуждения. М., 1982.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежицкая 1996 – Анна *Вежицкая*. Язык, культура, познание / Отв. ред. и сост. М.А. *Кронгауз*. М., 1996.
- Виноградов 1947 – В.В. *Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Гловинская 1982 – М.Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1993 – М.Я. *Гловинская*. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Гловинская 2001 – М.Я. *Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2005 (в печати) – М.Я. *Гловинская*. Речевой акт. Цель, мотивировка, причина (в печати).
- Долиннина 1996 – И.Б. *Долиннина*. Количественность в сфере предикатов (категория “глагольной множественности”) // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Жолковский и др. 1961 – А.К. *Жолковский*, Н.Н. *Леонтьева*, Ю.С. *Мартемьянов*. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. Труды института ТМ и ВТ АН СССР. Вып. 2. М., 1961.
- Жолковский 1964 – А.К. *Жолковский*. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
- Зализняк 1992 – Анна А. *Зализняк*. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Иомдин 1990 – Л.Л. *Иомдин*. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.
- Иорданская 1985 – Л.Н. *Иорданская*. Семантико-синтаксические особенности сочетаний частицы *не* с иллюкутивно-коммуникативными глаголами в русском языке // *RLing*. 1985. V. 9. № 2–3.
- Ицкович 1974 – В.А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Карцевский 1928 – С.И. *Карцевский*. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928.
- Карцевский 2004 – С.И. *Карцевский*. Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания // С.И. *Карцевский*. Из лингвистического наследия. М., 2004 (Изд. 1-е 1927 г).
- Кустова 1999 – Г.И. *Кустова*. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. чл.-корр. Н.Д. *Арутюнова*, И.Б. *Левонтина*. М., 1999.
- Маслов 1965 – Ю.С. *Маслов*. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

- Мельчук 1995 – *И.А. Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 39. Москва; Вена, 1995.
- Мельчук, Жолковский 1984 – *И.А. Мельчук и А.К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
- МППЛ 1964 – Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М., 1964.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 – *Е.В. Падучева*. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пешковский 2001 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е, доп. М., 2001 (Изд. 1-е 1914 г.).
- Рахилина 2000 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Розина 2004 – *Р.И. Розина*. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. Автореф. дис. ... докт. М., 2004.
- Санников 1989 – *В.З. Санников*. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Селиверстова 1982 – *О.Н. Селиверстова*. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.
- Урысон 2003 – *Е.В. Урысон*. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
- Храковский 1989 – *В.С. Храковский*. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Шахматов 1925 – *А.А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.
- Шахматов 1941 – *А.А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Янко-Триницкая 1962 – *Н.А. Янко-Триницкая*. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Apresjan 2000 – *Juri D. Apresjan*. Systematic lexicography. Oxford, 2000.
- Babby 1978 – *L. Babby*. Negation and subject case selection in existential sentences: evidence from Russian. Bloomington, 1978.
- Babby 1980 – *L. Babby*. Existential sentences and negation in Russian. Ann-Arbor, 1980.
- Guiraud-Weber 1984 – *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatifs en russe moderne. Paris, 1984.
- Iordanskaja, Paperno 1996 – *L. Iordanskaja, S. Paperno*. A Russian-English collocational dictionary of the human body. Columbus, 1996.
- Jakobson 1971 – *R. Jakobson*. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der Russischen Kasus // Selected writings, II Word and language. The Hague; Paris, 1971.
- Mel'čuk 1997 – *I. Mel'čuk*. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997.
- Mel'čuk 2004 – *I. Mel'čuk*. Actants in semantics and syntax I: actants in semantics // Linguistics. An interdisciplinary journal of language sciences. Berlin; New York, 2004.
- Mel'čuk et al. 1984 – *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 – *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 – *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk et al. 1999 – *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.
- Vendler 1967 – *Z. Vendler*. The grammar of Goodness // Z. Vendler. Linguistics in philosophy. New York, 1967.
- Wierzbicka 1987 – *Anna Wierzbicka*. English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney; Orlando etc., 1987.